

Предвоенные уроки нашему времени

А. В. Торкунов*

Приближение 70-й годовщины начала Второй мировой войны дает новый импульс дебатам о происхождении этой величайшей трагедии в истории человечества, об ответственности за нее и исторических уроках для сегодняшнего мира. Переосмысление исторического опыта — естественный процесс, обусловленный появлением новых документальных данных, сменой поколений и эволюцией исторической памяти.

К сожалению, в последние годы в этот процесс привносятся чисто политические и идеологические моменты, особенно со стороны молодых европейских государств, входивших ранее в состав СССР и социалистического лагеря. Озабоченные поисками своей новой идентичности, они пытаются пересмотреть генезис и даже саму природу Второй мировой войны для сведения счетов с советским прошлым и самоутверждения. В центре этих дебатов закономерно оказался предвоенный период — международный кризис 1938–1939 гг., имеющий ключевое значение для объяснения истоков войны и определения ее виновников.

Заметным событием в развитии этой международной дискуссии стала недавняя представительная конференция ведущих российских, польских и немецких историков и международников в Варшаве, на которой мне довелось выступать с основным докладом от российской стороны. В ней также приняли участие ученые стран Балтии, США, Венгрии и Финляндии. В ходе этой конференции отчетливо обозначились зоны консенсуса и разногласий, существующие по вопросу происхождения войны в академических и политических кругах разных стран.

Отрадно, что при всем разнообразии трактовок и мнений основополагающие тенденции развития международной обстановки тех предгрозовых лет не вызывают сомнений у подавляющего большинства серьезных исследователей. Это было нарастание смертельной угрозы не только версальско-вашигтонской системе международных отношений, но и самому существованию европейской цивилизации —

с одной стороны, и стремление противодействовать этой фашистской угрозе — с другой.

Двумя вариантами ответа на этот вызов стали политика совместного отпора агрессорам в рамках коллективной безопасности и политика умиротворения. Эти два начала переплетались в политике многих стран, но главным вектором к концу 1930-х гг. стало все-таки умиротворение. Особенно активно эту политику проводила Великобритания, тогдашнее руководство которой видело в сильной Германии эффективный противовес СССР и было не против «драки между большевиками и нацистами», по словам предшественника Невилла Чемберлена — Стэнли Болдуина, США рассчитывали пересидеть европейские распри за океаном и следовали законам о нейтралитете 1935 и 1937 гг., которые запрещали экспорт оружия и военных материалов воюющим странам. Франция, больше других опасавшаяся гитлеровской Германии, не решалась противостоять ей в одиночку и следовала в фарватере британской политики. Лига Наций оказалась бессильной не только активно противодействовать фашистской агрессии, но даже исключить из своего состава государства «Оси», покинувшие ее позднее по собственной инициативе.

Основные вехи углубления европейского кризиса хорошо известны и общепризнанны: ремилитаризация Рейнской области нацистской Германией, политика невмешательства западных демократий в годы гражданской войны в Испании, аншлюс Австрии, мюнхенская сделка и советско-германские соглашения лета — осени 1939 г. Не вызывает сомнения, что на всех стадиях этого процесса сохранялась реальная возможность совместными усилиями остановить страны «Оси» в их территориальных захватах. Вопрос о том, почему не удалось этого добиться и тем самым — предотвратить Вторую мировую войну, является одним из ключевых для понимания ее причин и исторических уроков.

Здесь действовал целый ряд факторов, как признавалось и на упомянутой конференции в Варша-

* Анатолий Васильевич Торкунов — академик РАН, ректор МГИМО.

ве. Во-первых, недопонимание качественно нового характера фашистской угрозы и недооценка ее потенциала. Политическая элита западных демократий в большинстве своем не понимала фанатизма и ненасытной агрессивности фашистского тоталитаризма, видела в Гитлере пусть опасного, но все же рационального политика, который не повернет штыки своих армий против столпов западной цивилизации и от которого можно будет откупиться за счет малых стран Европы и чуждого Советского Союза.

С этим был тесно связан и второй фактор — парализующий страх перед военной машиной нацизма, питаемый свежей памятью об огромных потерях в Первой мировой войне и стремлением любой ценой избежать новой глобальной бойни. Страх, который виртуозно использовал Гитлер в своей рискованной тактике наглого натиска, шантажа и угроз. Действительно, известие о мюнхенской сделке вызвало, по выражению лидера французских социалистов Леона Блюма, «двойственное чувство трусливого облегчения и стыда». Страх, как известно, пробуждает самые низменные чувства, толкает отдельных людей и целые страны на подлые деяния вплоть до предательства своих друзей и союзников ради спасения собственной шкуры.

Отсюда третий фактор — узколюбый эгоизм, стремление присоединиться к сильному и поживиться за чужой счет, не гнушаясь использовать бедственное положение своих соседей, ставших жертвой агрессии со стороны крупных хищников. Чем еще можно объяснить поведение во время Мюнхенского кризиса тогдашних правительств Польши и Венгрии, которые, по словам Уинстона Черчилля, «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии»? Польша выставила Праге собственный ультиматум с требованием уступить пограничную Тешинскую область под угрозой вооруженного нападения. Говоря о реакции европейского общественного мнения на эти действия, участник нашей конференции польский историк Станислав Жерко недавно писал: «Практически везде использовалось сравнение с шакалом, бросающимся на жертву, которой до этого нанес смертельный удар гораздо более сильный хищник». Да и после Мюнхена правительство Юзефа Бека не оставляло попыток «договориться» с Гитлером. Остается только удивляться способности некоторых польских деятелей изображать свою страну исключительно невинной жертвой.

Наконец, солидарности в борьбе против общей угрозы мешали взаимные подозрения и идеологическая враждебность, заслонявшие эту общность коренного интереса. Обе стороны видели друг в друге не столько союзников, сколько потенциальных противников и пытались отвести удар нацистской военной машины от себя в сторону идеологического соперника. Отвечая взаимностью западным расчетам на «драку между большевиками и нацистами», Сталин говорил своим соратникам: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга».

В результате вместо коллективного отпора агрессорам европейские страны действовали по принципу «спасайся, кто может», дав возможность Гитлеру и Муссолини вплоть до сентября 1939 г. добиваться своих целей без единого выстрела. Это был один из самых мрачных и постыдных периодов истории XX века — трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего становились ее пособниками.

Советская политика была частью этой общей картины и не может рассматриваться вне данного контекста. Разница состояла в том, что вплоть до весны 1939 г. советская дипломатия была активнее и последовательнее французской и английской в стремлении наладить коллективное противодействие агрессорам. В преддверии мюнхенского кризиса одна Москва не отказалась от своих гарантий Чехословакии и открыто заявляла о своей готовности прийти ей на помощь, если и Франция выполнит аналогичное обязательство. Она также предупреждала Польшу о том, что в случае ее нападения на Чехословакию будет считать это актом агрессии и денонсирует советско-польский договор о ненападении. Нарком Максим Литвинов предлагал срочно созвать конференцию Великобритании, Франции и России с приглашением Румынии и других малых стран для разрешения кризиса вокруг Чехословакии. Однако Чемберлен усмотрел в этом опасность «усиления большевизма», и советская инициатива осталась без ответа. «Поистине поразительно, — писал впоследствии Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе... Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это».

Циничное игнорирование интересов СССР, оставшегося после Мюнхена наедине с вермахтом, было одним из последствий этой позорной сделки. Она подорвала всю систему союзов и квазисоюзов, которая могла служить противовесом фашизму, — малую Антанту, французские гарантии Чехословакии и советско-французский договор 1935 г. Но главное — Мюнхен отделил пропастью, преодолеть которую впоследствии оказалось невозможно, Москву от западных демократий. Это хорошо понимали проницательные современники событий: так, ведущий внешнеполитический обозреватель США Уолтер Липпман говорил, что, «принося Чехословакию в жертву Гитлеру, Великобритания и Франция, по сути, жертвовали и своим союзом с Россией». Таким образом, Мюнхен резко изменил общее соотношение сил в пользу стран «Оси», устранил для Гитлера угрозу войны на два фронта и тем самым сделал для него приемлемым пойти на риск полного завоевания Европы. Так что если искать в роковой череде

событий тех лет поворотный момент, проложивший дорогу мировой войне, то это будет именно Мюнхен.

Даже после того, как западные державы изолировали Советский Союз, а Гитлер ликвидировал Чехословакию в марте 1939 г., Советское правительство не прекращало попыток договориться о совместном отпоре Германии. Его предложения от 17 апреля проложили дорогу трехсторонним переговорам в Москве. То была последняя слабая возможность остановить роковое сползание к мировой войне. К несчастью, и она была упущена: взаимные подозрения, колебания западных держав, упрямство Польши в вопросе о проходе советских войск через свою территорию, непрекращающиеся попытки Лондона и Москвы договориться с Гитлером за спиной друг друга — все это обрекало переговоры на неудачу. Свою роль сыграло и доминирующее на Западе отношение к сталинскому режиму, который после «большого террора» 1937–1938 гг. представлялся европейцам не только глубоко чужеродным, но и слабым партнером.

Для советского руководства пакетное соглашение с Гитлером стало зловещей альтернативой союзу с Францией и Великобританией, которая без лишних проволочек сулила гораздо более выгодное решение основных проблем безопасности: хотя бы временное ослабление германской угрозы, создание обширной буферной зоны на западных границах СССР, ослабление советско-японских противоречий. Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в повестке дня Гитлера), сколько в пространстве, позволившем увеличить глубину обороны. Появлялась надежда вообще отвести германскую агрессию на Запад, оплатив ему той же монетой за Мюнхен. Одновременно исключалась (или по крайней мере затруднялась) самая кошмарная перспектива, в которую, похоже, всерьез верили в Москве, — создание единого антисоветского фронта всего Запада.

Но я далек от того, чтобы оправдывать действия Сталина или изображать его по появившейся моде последних лет «трезвым реалистом», избравшим в тогдашней критической обстановке единственно верный путь. Даже с точки зрения разумного эгоизма такие шаги Сталина, как расширение экономического сотрудничества и доверительных отношений с гитлеровской Германией, перенос идеологической борьбы со стран «Оси» на западные демократии, отказ от тактики единого фронта в деятельности Коминтерна, заигрывание с идеей присоединения к антикоминтерновскому пакту, были не оправданы рациональными соображениями «баланса сил» и ограничивали свободу рук Москвы. Этот крен в сторону нацистской Германии, как пишет в своей недавней книге «Канун трагедии» академик Александр Чубарьян, означал, что Сталин «утратил чувство меры и ощущение реальности», и привел к тому, что «Советский Союз стал как бы заложником Германии и ее действий». Не

оправдалась и надежда хозяина Кремля на затяжную «междоусобную» войну в ее решающей заключительной стадии. Эти просчеты сталинской внешней политики усугубили катастрофу июня 1941 г.

Вместе с тем в корне неверно ставить знак равенства между политикой Сталина и Гитлера и тем более — считать их одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Источником войны была агрессивная сущность фашизма, окрепшего и обнаглевшего благодаря западной политике умиротворения. Советская политика решала оборонительные, а не наступательные задачи, хотя на последнем этапе действовала очень грубыми методами. «Россия хладнокровно преследует свои интересы, — говорил Черчилль после вхождения Красной Армии на украинские и белорусские земли Восточной Польши. — Конечно, было бы лучше, если бы русские армии дошли до своих нынешних западных рубежей как друзья и союзники Польши, а не как армия вторжения. Но то, что они туда дошли, необходимо для безопасности России перед нацистской угрозой». Советско-германские соглашения 1939 г. облегчили Гитлеру разгром Польши, но и без них Гитлер не отказался бы от операции «Вайс», тем более что французы с англичанами даже после объявления войны Германии отнюдь не спешили на помощь Польше. А сталинский грех «пакта Молотова–Риббентропа» был искуплен кровью россиян на полях сражений, сломавших хребет казавшегося непобедимым вермахта.

Трагические события тех лет наводят на серьезные размышления об их уроках для сегодняшнего дня. Некоторые из этих уроков имеют универсальный и почти аксиоматичный характер: аморальная политика рано или поздно оборачивается против ее авторов, умиротворение агрессора никогда не окупается, а сопротивление большому злу требует своевременных коллективных усилий. Но есть и более конкретный урок, вытекающий из многострадальной истории Европы. Весь опыт межвоенного периода — от Версальского мира до начала Второй мировой войны — убедительно свидетельствует о невозможности создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе без действенного участия крупнейшей европейской державы — России. Даже во времена сталинизма политика стран Запада по обеспечению своей безопасности без участия России и за ее счет была близорукой и окончилась провалом. Тем меньше оснований и перспектив для такой политики сегодня, когда наша страна вступила на европейский путь демократического развития и прагматической внешней политики. Тем не менее в Европе до сих пор нет эффективной архитектуры безопасности с полноценным участием России, а российское предложение о ее создании встречает пока настороженное отношение наших западных партнеров. Неужели нужно ждать появления новой тотальной угрозы, чтобы объединить, наконец, наши усилия по созданию Европы, одинаково безопасной для всех?